

Светлой памяти нашего автора!

Юрий Шевченко (1954–2018) – военный журналист, поэт и баснописец. Фантастика – один из наиболее любимых жанров его творчества. В этом жанре, им написаны порядка пятидесяти повестей и рассказов. Первая книга «Чёрт-птица», вышедшая пять лет назад, включила в себя произведения различных лет, от юношеского, до зрелого возраста, когда он стал членом Союза писателей России, и Золотым лауреатом национальной премии «Золотое перо Руси». Ныне, к изданию готовится вторая книга его фантастических произведений. Повесть «Тимка» одна из любимых самим автором и его читателями.

Тимка

Фантастическая повесть

Там, на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей

А.С. Пушкин

Конюх Кузьма проснулся на рассвете в скверном настроении. В голове шумело, во рту было сухо, как в пустыне, а от неудобной позы, в которой пролежал всю ночь, ныла поясница.

Накануне вечером он был на Дне рождения у приятеля, где по традиции изрядно выпил, и теперь пребывал в том состоянии, что в просторечье называется «бодуном».

Из-за леса вставало солнце. Небо было чистым и прозрачным, а вокруг на спелых травах блестела роса, предвещающая погожий июльский день.

Кузьма сидел на самом вершине стога шуршащего сена и, озираясь вокруг, пытался понять, где он находится. Память буксовала, как колхозный самосвал на раскисшем просёлке. Впрочем, он тому не удивлялся. Обычно после обильной попойки Кузьма шёл, куда глаза глядят, и мог забрести куда угодно.

Так недавно, в один из майских праздников, он очнулся в колхозном свинарнике, где уснул в обнимку с огромной свиньей среди дюжины поросят.

Тогда, после пробуждения, как впрочем, и сейчас, Кузьму мучил только один вопрос: где раздобыть опохмелиться?

Зевая во весь рот и почесывая курчавую бородку, он чувствовал, что в кармане пиджака что-то топорщится, и, проверив его, обнаружил початую четвертинку самогона, огурец и три куриных яйца, сваренных вкрутую.

– Ну, что же, живем! – радостно подумал Кузьма, встряхивая бутылку, от чего ее содержимое громко булькнуло. – Сейчас опохмелюсь и домой.

Сглотнув слюну, от соблазнительного бульканья переполнившую высохший рот, он сладко потянулся, и, кое-как обобрав налипшее сено, стал осторожно спускаться вниз.

Прошедшей ночью он, вопреки обычности, спал плохо, все время ворочался, стонал и, как водится, дико храпел. Соседи в таких случаях говорили: если Кузьма храпит – а храпел он так, что этого не могла выдержать даже собака, начинавшая подвывать – то утром его на работу не жди. Крепко перебрал!

Трезвым, Кузьма не храпел вообще.

Кроме того, на рассвете, проснувшись оттого, что у него засвербело в носу, он вдруг увидел подле себя трех субъектов очень необычной внешности.

Двое из них были высокие, а один – поменьше. Полупрозрачные, как тонированное стекло, они стояли рядом и живо рассматривали его огромными глазницами. Тот, что поменьше, щекотал Кузьме нос длинной сухой соломинкой.

Кузьма спросонья не предал этому значения, ведь порой, после обильных возлияний, он видел чертей и похлеще.

Внешность незнакомцев была хоть и странной, но в ней не было ничего пугающего. Это-то и позволило Кузьме, плюнув через плечо, и, пробурчав что-то вроде: «Сгинь, нечистая!», повернуться на другой бок и продолжать сон.

...С вершины стога Кузьма спустился вниз, съехав на спине, прижимая к груди заветную бутылку. Но за миг до этого он случайно бросил взгляд в сторону и увидел рядом со стогом нечто такое, что привлекло его внимание.

Метрах в двенадцати среди нескошенной травы виднелся странный след. Он был похож на отпечаток огромного тележного колеса метров десять в диаметре. Создавалось впечатление, что кто-то положил его плашмя и с силой вдавил в землю. Трава была аккуратно примята по идеальному кругу, примерно в метр шириной, а к его центру, где виднелась неглубокая ямка, сходились концы шести широких спиц.

Походив вокруг, Кузьма потрогал примятую траву и опаленные края ямки в центре, но, не найдя этому объяснений, тут же потерял всякий интерес. Махнув рукой, он поплелся к ближайшему кусту, где, достав из кармана самогон и закуску, стал готовить ритуал опохмелки.

Не торопясь, он очистил три яйца и, аккуратно разложив их рядом с огурцом и кучкой скорлупы на газетке, зубами выдернул пластмассовую пробку из бутылки.

Сделав пару солидных глотков, он крякнул и блаженно зажмурил глаза. Выждав несколько секунд пока горячая струя достигнет желудка, он отправил в рот следом и огурец.

Спелый овощ громко хрустел на зубах, когда Кузьма, не глядя, протянул руку за вареным яйцом, но, пошарив по газетке, с удивлением не обнаружил на ней ничего, кроме горки очищенной скорлупы.

– Что за черт? – пробурчал он сердито. – Куда же они запропастились?

Осмотревшись, он даже приподнял разостланную на траве газетку в надежде, что приготовленные яйца закатились под нее, но и там было пусто.

– Тим! – вдруг раздался рядом с ним громкий звук, похожий на звон спущенной тетивы.

В самом начале Кузьма подумал, что у него, как не раз, бывало, просто звенит в ушах, но по мере того, как звуки повторялись, он решил, что это проделки шутников, незаметно утащивших его закуску.

– Эй, вы! – грозно заорал Кузьма, – Немедленно положите на место то, что взяли, иначе наломаю бока!

– Тим-тим! – раздалось в ответ.

Хмель уже слегка ударил ему в голову, потому Кузьма понял это так, что над ним просто издеваются.

– Ну, держитесь! – проворчал он, вставая.

Обойдя куст кругом и никого, не обнаружив, он тщательно обшарил заросли вокруг, но злоумышленники отсутствовали.

– Черт возьми! – пробурчал сердито конюх, озадаченно почесывая затылок. – Кто же это увел мою закуску?

– Тим! – прозвучало в ответ совсем рядом.

В следующий момент он в испуге застыл на месте и вытаращил глаза.

Вначале ему показалось, нет, он ясно увидел, что газетка, расстеленная им на траве, медленно поползла в его сторону, на ходу принимая диковинную форму, и, стряхивая с себя остатки яичной скорлупы, угрожающе зашелестела краями.

– Ма-ма! – прошептал испуганно Кузьма, и ноги сами понесли его прочь.

– Тим-тим-тим! – громко и жалобно неслось ему вслед, но от этого он только прибавлял скорости.

Кузьма бежал без оглядки, а странные звенящие звуки преследовали его попятам, то отдаляясь, то приближаясь вновь, от чего у бегущего складывалось впечатление погони.

Село, куда он так стремился в поисках спасения, приближалось с каждой минутой.

– Отчего это Кузьма мчится, как на пожар? – удивленно спросила у колодца одна баба другую.

– Чего-чего? Опять напился до чертиков, – отвечала та. – Вот и гоняют они его по всей округе.

А погоняемый страхом, Кузьма мчался, не чуя под собой земли, и опомнился только тогда, когда из-за поворота показался забор его дома. Тут, перейдя на шаг, отдуваясь и кашляя, он деловито зашагал к воротам.

Однако его дворовый пес, с радостным визгом выскочивший из-под них навстречу хозяину, повел себя более чем странно. Сначала он, виляя хвостом, хотел броситься к ногам Кузьмы, ожидая ласки за верную службу, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился и, оскалившись, грозно зарычал.

– Черныш, – удивился тот, – ты что, спятил? Не узнаешь хозяина? А ну, иди сюда!

Тот не послушался. Испуганно заскулив, он юркнул обратно под ворота и залез в свою конуру.

Минут двадцать Кузьма уговаривал собаку покинуть своё убежище, но пес, забившись в угол, не двигался с места.

– Ну и сиди себе там! – наконец не выдержал конюх. – Черт с тобой!

С этими словами Кузьма, поднявшись по ступенькам на крыльцо, вошел в дом.

Этим летом он остался хозяйствовать один. Еще месяц назад жена уехала на заработки в столицу, а дочь отправила на каникулы к бабушке в Крым.

Плотно прикрыв дверь, Кузьма, наконец, почувствовал себя в безопасности. Усевшись за стол, он стал вспоминать о своем приключении и убеждать себя в том, что все это не что иное, как плод его воображения.

– Надо бы бросить пить, – про себя подумал он и тут же усмехнулся своим мыслям. Сколько раз уже давал такой зарок, но силы воли хватало разве, что до обеда.

От размышлений Кузьму оторвало угрожающее кошачье шипенье.

Их кошка, что все это время мирно дремала на диване и не проявила никаких эмоций даже при появлении хозяина, вдруг вскочила и, изогнув спину дугой, ощерилась, глядя куда-то на пол посреди комнаты. Кузьма взглянул туда же, но на полу было пусто.

– Муська, – произнес он, обращаясь к животному, которое, шипя, пятилось назад. – Что с тобой? Ты тоже сдурела?

Но та, не обращая внимания на слова, ревно соскочила с дивана, и, стремглав проскочив через комнату, выпрыгнула в окно.

– Что стряслось с животными? – подумал Кузьма, провожая кошку взглядом. – Совсем очумели, пока меня дома не было. А может, им не нравится, что от меня пахнет спиртным?

Такой вывод удовлетворил его сомнения, но тут же разлил. Ему показалось большим оскорблением, что не только люди, но даже теперь и животные брезгуют его обществом, когда чуют перегар.

– Подумаешь, чистюля! – закричал Кузьма вслед убежавшей кошке. – Запах ей, видите ли, не нравится! Как жрать давай, то все бегут! Вот погодите у меня!

Кузьма пригрозил в окно кулаком и замолчал, обиженно засопев.

– И, все-таки, надо бросать пить, – второй раз за день подумал он.

Некоторое время Кузьма продолжал что-то сердито бубнить под нос, доказывая самому себе, что бросить пить для него плевое дело. Для пушей убедительности он размахивал руками, нагоняя на себя смелость и решительность, однако, при этом никак не решался встать со стула, так как не мог отделаться от гнетущего ощущения того, что из глубины комнаты за ним наблюдает кто-то невидимый.

В страхе он, наверное, просидел бы так весь день, но рев коровы и кудахтанье кур вынуждали встать и заняться хозяйством.

Выйдя во двор, Кузьма первым делом выпустил из хлева корову, затем накормил свиней и лишь потом, заглянул в курятник.

В хозяйстве его насчитывалось около сотни кур, и жена, уезжая, велела не забывать ежедневно, собирать снесенные яйца. Ранее кур было еще больше, но в курятник повадился злой хорек, который душил их безжалостно. Однажды он все-таки угодил в поставленный Кузьмой капкан, но, попавшись, хорь отгрыз себе лапу и убежал. После этого хищник стал лютовать по всей деревне.

Войдя в курятник, Кузьма включил свет, и, не обнаружив следов очередного разбоя, взял корзинку, куда стал собирать снесенные курами яйца.

– Тим-тим! – вдруг громко прозвучало у него за спиной в тот самый момент, когда он уже завершил сбор и собирался уходить

Кузьму от макушки до пят прошиб холодный пот. Оглянувшись через силу, он громко вскрикнул и попятился, едва не выронив корзину с яйцами.

Позади него на задних лапах стояло существо, не похожее ни на одно из тех, что он видел в своей жизни.

– Тим-тим! – произнесло оно, склонив при этом набок свою уродливую голову.

– Господи, Боже мой! – простонал Кузьма, продолжая пятиться. – Что, что это такое?

Он перекрестился и прочитал молитву против нечистой силы, которой его научила в детстве бабушка, но существо не исчезло. Оно, как ни в чем не бывало, продолжало стоять подле него на задних лапках, изредка мелодично тимкая.

Существо было ящерицей величиной чуть больше таксы.

Ее продолговатое тело заканчивалось изящным хвостом, кончиком которого она виляла из стороны в сторону. Вытянутая, как у варана голова, была украшена множеством роговых наростов, два из которых, наиболее длинные, торчали прямо над черными, как агаты, большими глазами. Сверху тело ящерицы от головы до кончика хвоста было нежно-голубого цвета и, как веснушками, покрыто маленькими коричневыми точками, снизу красовалось гладкое белое брюшко. В том месте, где голова соединялась с туловищем, она имела кожистый воротник, которым изредка помахивала, словно веером.

Существо невозмутимо стояло на задних лапках, держа передние согнутыми на уровне грудки.

– Тим! – жалобно произнесла ящерица и, вильнув хвостом, сделала шаг вперед.

– Что? Что это? Кара-у-у-ул! – заорал испуганно конюх, упершись в стенку курятника. – Что тебе от меня надо?! Сгинь! Брысь! Пошла!..

Кузьма почувствовал, как ноги его начинают подкашиваться, и он вот-вот упадет в обморок от страха.

– Тим-тим! – произнесла ящерица.

В это же момент Кузьма вдруг ощутил приступ сильного голода, причем захотелось ему не чего-нибудь, а сырых куриных яиц, хотя, раньше, в таком виде он их терпеть не мог.

Скорее машинально, чем осознанно, желая хоть чем-то отгородиться от непрошеной гостьи, Кузьма выставил перед собой корзинку. Этот жест существо истолковало по-своему.

– Тим! – радостно произнесло оно и выхватило длинным розовым язычком одно из яиц с коричневой скорлупой. Затем так же ловко отправило его себе в рот, и Кузьма увидел его челюсти, усаженные крепкими белыми зубками.

– Т-и-и-м! – произнесло существо, проглатывая яйцо, и тут же его язык потянулся к следующему.

По мере того, как куриные яйца исчезали в пасти ящерицы, чувство голода у Кузьмы постепенно проходило.

Через несколько минут, когда прошел первый страх, видя, что этот маленький дракончик не собирается на него нападать, он осторожно поставил корзинку на пол, а сам стал бочком пробираться к выходу. Когда же, украдкой, ему удалось отдалиться от незваной гостьи на несколько шагов, он рванул вперед и, пулей вылетев из курятника, с грохотом захлопнул за собой тяжелую дверь.

– Ага, попался! – торжествуя, заорал конюх. – Ну, теперь держись!

Подперев дверь лопатой, чтобы ящерица не смогла выбраться наружу, Кузьма огородами пустился напрямик к деду Захару, который слыл в деревне самым опытным звероловом.

Выслушав сбивчивый рассказ полупьяного соседа о страшном животном, запертом в курятнике, дед Захар только укоризненно покачал головой.

– Смотри, Кузьма, – промолвил старик. – Совсем сопьешься!

Но конюх так убедительно говорил и описывал неведомую зверушку, что у деда исподволь появилось желание проверить.

Захватив с собой моток крепкой веревки, мешок и длинную бамбуковую палку, дед поспешил следом за Кузьмой.

– Здесь оно, здесь, – суется, говорил тот, убирая подпиравшую дверь лопату. – Никуда не денется. Только ты, дед, поосторожней с ним, оно, видать, крепко кусается.

– Ты погоди здесь, – приказал дед, а сам, быстро соорудив из верёвки петлю и надев ее на палку, осторожно приоткрыл дверь курятника.

Скрывшись за ней, старик минут пять находился внутри. Кузьма же все это время нервно вышагивал снаружи, ожидая результатов. Наконец, старик появился вновь и, хлопнув дверью, не обращая внимания на хозяина, сердито зашагал прочь.

– Ну что? – крикнул ему вслед Кузьма.

– Закусывать надо! – ответил дед, не оглядываясь. – Эх, не зря же говорят: с дураком поведешься – сам дураком станешь!

– Так, где же чудище? – не унимался Кузьма.

– В твоей башке пьяной! – рассерженно ответил тот, махнув рукой.

Кузьма еще несколько минут после этого в нерешительности топтался у двери, а затем, набравшись смелости, осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь.

К его удивлению курятник был пуст.

– Неужели опять наваждение? – подумал конюх,

Заглянув во все углы, под насесты, проверив пустые коробки из-под корма, он был вынужден признать, что дед был прав. Никакого чудища в курятнике не было. Но тут на глаза ему попала корзинка, – на дне ее оставалось несколько яиц, хотя Кузьма хорошо помнил, что собрал он их около трех десятков.

– Ну, хорошо, – размышлял он, почесывая затылок. – Если здесь никого не было, и мне все померещилось, то кто же тогда съел яйца? Куда они подевались?

Найти ответ Кузьма не успел.

-Тим! – неожиданно громко прозвучало у него над самой головой.

Взглянув вверх, он даже присел от неожиданности.

На потолке курятника, в каком-нибудь полуметре над ним, четко проступал контур ящерицы.

В тот момент она только начала приобретать свои естественные очертания. Распластавшись на потолке, уцепившись когтистыми лапками за доски, существо с любопытством глядело на Кузьму сверху вниз, да еще и вниз головой. Теперь Кузьме стало понятно, почему деревенский зверолов не заметил его, несмотря на весь свой опыт. Конюх и сам с трудом верил своим глазам.

Тело ящерицы с удивительной точностью воспроизводило внешний вид потолочной обшивки. Даже большой ржавый загнутый гвоздь, на который когда-то вешалась керосиновая лампа, и тот вполне реально выступал у нее на спине.

Кузьма окончил только восемь классов школы и, конечно, не знал о таком свойстве животных, как мимикрия, но, если бы даже и знал, то такая феноменальная способность к маскировке не могла вызвать у него ничего другого, кроме страха.

Через секунду ящерица вновь оказалась перед ним, стоя на задних лапах.

– Тим-тим! – произнесла она, слегка склонив голову набок.

Кузьму в это время била мелкая дрожь. Ему казалось, что это кусок дощатого потолка курятника с облупившейся побелкой вдруг обвалился вниз и, ожив, как в страшном сне, стоит теперь перед ним. Он никак не мог оторвать взгляд от ржавого гвоздя, что все еще продолжал отчетливо проступать на теле животного. Наконец, ящерица приняла свой обычный вид.

– Тим! – вновь произнесла она. – Тим-тим!

Кузьма, упершись спиной в стену, пытался заслониться от нее руками, в любую минуту ожидая нападения.

Тем временем существо и не думало проявлять агрессивность. Напротив, издав мелодичный тим-кающий звук, оно стало доверчиво тереться своей уродливой головой о ноги конюха и слегка помахивать хвостом.

– Ну, ни дать, ни взять, собака, – невзначай подумал Кузьма, продолжая дрожать от страха. – Кто же ты? – продолжал он вслух, обращаясь к ящерице. – Откуда ты взялась на мою голову?

– Тим! – ответила ящерица и неожиданно лизнула конюха своим розовым языком прямо в нос.

После таких нежностей страха у Кузьмы существенно убавилось. Он даже позволил себе слегка приласкать животное, осторожно проведя пальцем по его спинке.

К его удивлению, жесткая на вид, чешуйчатая кожа ящерицы на самом деле оказалась гладкой и мягкой, как шелк.

– Тим-тим! – произнесла ящерица, блаженно закрывая глаза, и Кузьма вновь почувствовал голод.

– Что это со мной? – удивился он в который раз. – Я ведь никогда не страдал обжорством. – И что это за пристрастие такое, – подумал Кузьма, когда ему вновь захотелось отведать сырого куриного яйца.

– Ба! – вдруг воскликнул конюх, пораженный своей догадкой. – Так это ведь ящерица, таким образом, дает мне знать, что голодна. Ну и чудеса!

Решив проверить так ли это, Кузьма протянул руку к корзинке и достал оттуда яйцо.

Ящерица охотно брала угощение прямо из ладони, сопровождая каждое съеденное яйцо, тихим, благодарным тимканьем, а через минуту чувство голода у Кузьмы, как рукой сняло.

– Ну, хватит, – назидательно проговори он, когда яйца закончились. – Так на тебя не напасешься. Что же мне с тобой делать? – продолжал конюх, глядя на свою незваную гостью, что доверчиво терлась о его колено.

– Ти-тим-тим! – бойко запела ящерица, засуетившись вокруг.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – пообещал Кузьма. – Как же мне тебя назвать?

Страх прошел, и с той минуты он начал воспринимать существо как свою собственность.

– Тим-тим-тим! – не унималась ящерица.

– Все, тихо! – по-хозяйски прикрикнул на нее Кузьма. – С этого дня ты у меня будешь Тимка. Ясно?

– Тим-тим, – ответила ящерица и прямо на глазах стала темно-зеленой.

– Пока будешь жить здесь, в курятнике, – распорядился конюх, – а там будет видно.

Поднявшись с места, он достал картонную коробку и, набив её мелким сеном, поставил в угол

– Эй, Тимка, – скомандовал он, – а ну, иди ко мне!

Существо не заставило приглашать себя дважды.

У Кузьмы захватило дух, когда ящерица молниеносным броском вскарабкалась по одежде к нему на спину и уселась на плече, косясь на своего хозяина большим черным оком. Конюх застыл как истукан, боясь пошевелиться, а та, между тем, до мельчайшей точности скопировала своим видом его старую застиранную рубашку.

Сначала Тимка стал светло-кремовым в мелкий розовый цветочек, а потом вообще исчез. Если бы не два черных глаза, что продолжали взирать на Кузьму из пустоты, он готов был спорить с кем угодно, что у него на плече никого нет.

– Вот сейчас как тяпнет за ухо! – с волнением думал конюх. – Вот будет номер!

– Фу, Тимка! – наконец молвил Кузьма как можно строже. – Чего это ты на меня залез? А, ну-ка, марш в коробку! Там пока будет твое место.

Не успел он договорить фразу до конца, как раздалось тихое «тим», а вслед за этим нечто невидимое, оттолкнувшись от его плеча, спрыгнуло вниз.

Кузьма отчетливо слышал, как ящерица шуршала сеном и царапала картон своими коготками, но для его взгляда коробка оставалась пустой. Он знал, что Тимка уже расположился в ней, но для пущей уверенности потрогал внутри рукой.

– Ну, вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Кузьма. – Здесь и спи. Если, конечно, этот чертов хорек ночью не пожалует. Смотри, чтобы он и до тебя не добрался!

Вслед за этим Кузьма со всей ясностью представил себе лютого зверька, периодически изводящего его кур. Потом, вспомнив про свои дела, покинул курятник, плотно прикрыв за собой дверь.

Вечером, покормив своего питомца десятком яиц, он улегся спать.

Наутро, едва открыв дверь в курятник, Кузьма тут же наткнулся на Тимку. Тот стоял у входа на задних лапках и держал зубами за хвост пойманного хорька.

– Батюшки! – воскликнул удивленный конюх, рассматривая Тимкину добычу. – Да тебе цены нет!

Сомнений не было: Тимка изловил того самого хорька, что разбойничал по всем курятникам деревни, оставаясь неуловимым. Об этом наглядно свидетельствовала короткая культяпка вместо левой передней лапы.

– Тим-тим! – проговорила ящерица.

– Конечно, молодец! – подтвердил Кузьма. – Ещё, какой молодец! Такого разбойника извёл! За такую службу, хоть медаль вешай!

Достав несколько свежих яиц, Кузьма щедро наградил Тимку. События того утра заставили конюха полностью пересмотреть свои взгляды относительно будущего своего найденыша.

Ещё вчера вечером, он долго размышлял над тем, откуда взялась эта удивительная ящерица. Как ни крути, а Рязанщина явно не Ямайка, где в тропических лесах водится всякая диковинка. В конце концов, Кузьма заключил, что Тимку потерял гастролирующий по району передвижной цирк, которому он и рассчитывал вернуть приبلудившееся животное за солидное вознаграждение.

Теперь же, Кузьма решил оставить ящерицу у себя в хозяйстве. Следующей же ночью он перевел своего питомца из курятника в дом, разместив в коробке под кроватью.

Прошла неделя, или полторы, прежде чем конюх решил испытать Тимку на охоте.

– Сезон еще не открыт, – размышлял он, – но кто из односельчан догадается, зачем я иду в лес?

Надо сказать, что Кузьма, потехи ради, и раньше совершал с Тимкой небольшие прогулки по деревне. По своему обыкновению ящерица, невидимая глазу, сидела у него на плече, изредка тихо подавая голос. Никто из односельчан, встречая Кузьму по дороге, не догадывался о ее присутствии.

Но однажды, когда двое закадычных собутыльников, ранее повздорив с Кузьмой, подстерегали его на узкой тропинке, намереваясь отдубасить, Тимка вступился за своего хозяина.

Он, внезапно для нападающих, появился у него на плече и, грозно зашипев, щелкнул зубами. Этого вполне хватило, чтобы перепуганные пьянчуги, под раскатистый хохот конюха бросились кто куда.

После этой встречи каждый из них обходил Кузьму десятой дорогой. А их рассказы о чудовище, с которым связался Кузьма, вызывали у слушателей только бурный хохот.

– И чего только с пьяных глаз не померещится, – укоризненно говорили старики.

...Охота, на которую отправился Кузьма вместе с Тимкой, не была похожа ни на одну из тех, что провел человек с момента сотворения Земли.

Пока они шли по деревне, Тимка, незаметный на фоне выцветшей ветровки, мирно сидел на плече, но едва углубились в лес, как тот начал проявлять беспокойство. То и дело, меняя окраску, он царапал Кузьму лапками, тимкал щёлкал зубами. За то время, что зверек провел у него дома, Кузьма успел кое-что подметить в его повадках.

Он уже не удивлялся, когда его питомец образно просил у него пищу. Кроме того, научился распознавать настроение ящерицы по её окраске, и, конечно, уже свободно мог отдавать Тимке мысленные приказы произвести то или иное действие.

– До чего же богата природа, – порой восхищался Кузьма, глядя на своего питомца. – Смотри-ка, какую умную тварь создала! Кто бы мог подумать! А вообще-то, – продолжал мудрствовать конюх, – каких только чудес не бывает на Земле!

– А почему на Земле? – иной раз думал он. – Может быть, Тимка вовсе не земная тварь?

Однако, Кузьма всегда отбрасывал это предположение. Его ум отказывался воспринимать такое, иначе, чем «не может быть» и все тут!

Углубившись в лес примерно на километр, Кузьма оказался на небольшой полянке. И тут, откуда-то сверху, до его слуха долетел легкий треск.

Подняв голову, он без труда разглядел на ветке высокой сосны серую белку. Зверек, не обращая внимания на человека, нанизывал на сучки дерева шляпки грибов.

Кузьма мысленно дал приказ Тимке изловить незадачливую зверушку, и тот молниеносно соскочил с его плеча, незаметный на фоне опавшей, пожелтевшей хвои, густо покрывавшей землю вокруг, устремился к добыче.

О том, что ящерица стремительно движется вверх по стволу дерева, Кузьма мог судить только по мелким кусочкам коры, что изредка падали вниз.

Не прошло и десяти секунд, как ничего не подозревающая белка вдруг громко пискнула и затрепыхалась в воздухе. Еще через минуту Тимка, окрасившись в небесно-голубой цвет с белыми пятнышками по всему телу, что по наблюдениям Кузьмы соответствовало наилучшему расположению духа, уже стоял на задних лапках перед ним, держа в пасти трепыхающуюся добычу. Пожалев белку, Кузьма велел отпустить ее.

– Тим-тим-тим! – вопросительным тоном запела ящерица.

– Так надо, – строго проговорил конюх и, поощряя ее за труд, тут же протянул на ладони одно из вареных яиц.

Следующей Тимкиной добычей стала толстая серая зайчиха. Когда тот приволок ее за уши хозяину, она была уже мертва. Робкое заячье сердце не выдержало испуга от встречи с невиданным

чудищем, что возникло ниоткуда. На этот раз конюх спрятал добычу в сумку, надеясь полакомиться тушеной зайчатиной.

Полных два часа бродил Кузьма по лесу, а Тимка по его приказу гонял всякую живность. Наконец, настало время возвратиться домой.

Уже на подходе к опушке леса конюх вдруг увидел, как из густых кустов на прогалинку выбралась старая рыжая лиса. Немедля, он дал Тимке приказ изловить плутовку, но не тут-то было.

Инстинкт старой опытной хищницы подсказал лисе о приближение невидимого врага, и та со всех ног бросилась наутек.

– Тьфу ты, леший! – выругался Кузьма, потому что ему показалось, будто бы лиса побежала сразу в разные стороны.

На этот раз Тимку пришлось ждать долго. Не зная, чем завершилась его охота, Кузьма уже начал волноваться, как вдруг лесную тишину разорвали душераздирающие вопли.

Через мгновение из кустов появился Тимка. Изо всех сил он тащил за хвост – Кузьма не поверил своим глазам – большого рыжего кота, неизвестно каким образом затесавшегося в лес. Бедный кот даже не сопротивлялся, а лишь истошно орал не своим голосом, шипел, жалобно мяукал. Вытаращенными от ужаса глазами он глядел на Тимку и пытался зацепиться растопыренными лапами за ветки кустов.

Придя в себя от удивления, конюх захохотал во все горло и приказал своему питомцу отпустить несчастное животное.

Почувяв свободу, кот исчез с глаз с невероятной быстротой.

– Ну, что, Тимка? – сквозь хохот спрашивал Кузьма, – Надула тебя рыжая? Ай-ай-ай!

– Тим-тим! – невозмутимо произнесла ящерица, не меня окраски удовольствия.

Скормив Тимке оставшиеся два яйца, Кузьма двинулся домой.

По дороге он не раз прыскал со смеху, вспоминая, как дико орал насмерть перепуганный кот, которого Тимка притащил вместо лисицы. Веселясь, Кузьма еще не знал, что не пройдет и десяти дней, как найдется прежний хозяин его питомца, и тем более не представлял, что этой неказистой ящерице он будет обязан жизнью. Все произошло примерно неделю спустя.

Однажды, в зарослях у шоссе, Кузьма обнаружил небольшую поляну, сплошь заросшую сочной травой.

– Этак с полгектара будет, – прикинул в уме конюх. – А не выкосить ли мне ее? Лишнего сена, как известно, не бывает.

Не откладывая дело в долгий ящик, тем же вечером Кузьма двинулся на покос.

От полной луны вокруг было так светло, что, казалось, видна была каждая травинка, а отсутствие изнуряющего зноя только способствовало работе.

Примостившись на плече хозяина, Тимка внимательно следил за его работой, изредка подавая голос.

– Сам знаю, не подсказывай! – шутливо отзывался Кузьма. – Тоже мне, советчик нашёлся! Ты бы вместо того, чтобы тимкать мне над ухом, как наш бригадир, возьми косу, да помахай ею чуток. Тогда узнаешь. А то давать советы, все горазды!

– Тим-тим! – отзывалась ящерица, словно бы соглашаясь с его доводами.

На этот раз Кузьма не решился отпускать своего питомца погулять в траву, опасаясь, что тот с его феноменальной способностью делаться невидимым может угодить под косу. Сидя на плече, ящерица совсем не мешала работе, и лишь ее мелодичное тимканье напоминало Кузьме о том, что на покосе он совсем не один.

Помахивая косой, Кузьма продолжал беседовать со своим питомцем и за разговором не заметил, как несколько раз прошел поляну из конца в конец, не чувствуя усталости.

В очередной раз он достиг её края, когда внимание его привлек странный блеск в кустах. Подойдя ближе, Кузьма обнаружил спрятанный от посторонних глаз крытый грузовик. Отражение лунного света в лобовом стекле и выдало его присутствие. Вокруг не было ни души.

Походив вокруг машины, Кузьма взглянул на ее номер. Судя по нему, грузовик не принадлежал не только их колхозу, но даже их области.

– Странно! – подумал конюх. – И кому это потребовалось ее здесь прятать?

Надо сказать, что в тот момент Кузьмой овладели недобрые подозрения относительно этой находки. Вначале он хотел, было, вернуться в деревню и рассказать о ней участковому, но потом решил все-таки завершить дело.

Косовица подходила к концу, и Кузьме осталось пройти еще не более полусотни метров, когда неподалеку послышалась приглушенная людская речь. Спрятавшись в кустах, он решил выяснить, кого это носит в такой поздний час.

Ждать пришлось недолго. На другом конце поляны затрещали кусты, и из них показались две телки и молодой бычок.

Ноги животных были тщательно обмотаны ветошью, и Кузьма тут же сообразил, что скотина ворованная. Подтверждая его догадку, следом из кустов вышли трое парней.

– Ага! – тихо произнес конюх. – Так вот кто уводит нашу скотину! Ах, ворюги проклятые!

Над делом о пропажах коров, что участились в последние несколько месяцев, давно ломал голову их деревенский участковый, однако до сих пор оно так и не сдвинулось с мертвой точки. Злоумышленники каждый раз бесследно исчезали. И, вспомнив о спрятанной в кустах машине, Кузьма сразу понял причину их неуловимости. Пока их ищут окрест, те за ночь успевают убраться на машине в соседнюю область. А там ищи – свищи!

– Эй, вы! – громко заорал Кузьма, когда любители легкой наживы вышли на середину поляны. – А ну, ведите скотину обратно!

С этими словами конюх осторожно снял с плеча Тимку и, вооруженный косой, вышел из кустов. Те трое были щуплыми на вид, а широкоплечий Кузьма был уверен в собственных силах.

От неожиданности похитители бросились было, наутёк, но, увидев, что Кузьма один, тут же остановились и приняли угрожающие позы.

– Ах, вы, ворье! – возмущенно проговорил конюх, подходя ближе. – Заритесь на чужое добро? А вы пробовали вырастить хоть одну корову?

Уверенным шагом Кузьма подошел к парням почти вплотную, намереваясь схватить за шиворот и отвести в деревню, но вдруг почувствовал сильный удар по голове сзади.

Мгновенье спустя, он уже лежал на земле, а те трое, остервенело, пинали его ногами.

– А ну-ка, хватит! – услышал он чей-то властный голос. – Теперь давайте поглядим, какого цвета внутренности у этого героя.

Перед лицом Кузьмы при лунном свете блеснуло длинное лезвие ножа.

– Ну что, мужик? – произнес один из грабителей. – Помирать-то не хочется? Ну, ничего! В газетах напишут: погиб, защищая общественную собственность. Может, тебя даже наградят за это.

– Ага! – вставил другой. – Почётной грамотой, посмертно!

– Зарежут, как пить дать, зарежут, – беспомощно подумал Кузьма.

– Ну что? – спросил третий. – Будем скотину грузить, или с этим жлобом валандаться?

– Тимка! – истошно заорал конюх.

То, что произошло вслед за этим, Кузьма, и по прошествии многих лет, вспоминал с содроганием души. В этот момент он сам перепугался не меньше грабителей.

Лёжа на спине, Кузьма не сводил глаз с блестящего лезвия ножа, которое склонившийся над ним молодчик вот-вот готов был воткнуть ему в сердце. Дальше произошло нечто невероятное.

Сначала что-то узкое и продолговатое прожужжало над ними, словно бич пастуха. В ту же секунду ворюга, выронив нож, с воплем взлетел вверх. Вслед за этим до слуха Кузьмы донеслись истерические крики двух его поделщиков. Перевернувшись на живот, конюх увидел такое, от чего кровь застыла у него в жилах.

Его Тимка стоял посреди поляны. На этот раз Кузьма с трудом узнавал своего питомца. Ящерица вдруг увеличилась до невероятных размеров. Кузьма был готов поклясться, что в тот момент Тимка был гораздо больше, чем огромный племенной бык по кличке Мамай, известный в округе своим дурным нравом.

Непомерно длинным хвостом ящерица, как арканом, оплела одного из грабителей за горло и подняла высоко над землей. Другой был плотно прижат мощной когтистой лапой. Третий, пока еще остававшийся на свободе, в панике палил в чудовище из пистолета.

У Кузьмы глаза полезли на лоб, когда он увидел, что шелковисто-мягкая кожа Тимки отражает пули не хуже танковой брони, и те, отскакивая от нее, с визгом разлетаются в разные стороны.

После каждого выстрела ящерица злобно шипела и, наконец, повернула уродливую голову в сторону обидчика.

Что произошло следом, Кузьма не понял, но стреляющий, вдруг дико вскрикнув, выронил оружие, и буквально согнулся пополам.

В тот момент Тимка пылал ярко-красным цветом, а по всему его телу, как помехи по экрану телевизора, пробегали чёрные полосы. Кузьма знал, что этот цвет соответствовал состоянию крайней агрессивности.

– Тимка, стой! – закричал конюх, увидев, что ящерица подтянула одного из громил поближе к себе, а вместо безобидных зубчиков из пасти ее выросли длинные клыки.

Услышав голос хозяина, Тимка заметно порозовел. Чёрные полосы, что мельтешили по его телу, исчезли, но, даже сбросив импульс агрессивности, он продолжал медлить.

– Отпусти их! – приказал Кузьма, поднявшись на ноги.

Тот, словно бы нехотя, подчинился приказу, и, отойдя в сторону, замер за спиной хозяина.

– А теперь убирайтесь вон! – приказал Кузьма. – И чтоб через пять минут тут и духа вашего не было!

Надо сказать, что грозного окрика Кузьмы для полуживых от ужаса грабителей не потребовалось. Они и так бросились наутек. Не пошло минуты, как спрятанный в кустах грузовик, громко взвывая мотором, вылетел на шоссе, едва не опрокинувшись на повороте, и стремительно понесся прочь.

– Вот так с вами и надо обращаться, – проговорил им вслед конюх.

Теперь-то он был уверен на все сто, что те, ни за какие деньги больше не отважатся вернуться. Мало того, и другим закажут.

– Тим-тим-тим! – услышал Кузьма прямо перед собой.

Увлеченный наблюдением за паническим бегством грабителей, он не заметил, как питомец его вновь приобрел прежние размеры, и теперь стоял перед ним на задних лапках, ожидая угощения.

На этот раз угощения не было. Кузьма сокрушенно рассматривал сумку с провизией, захваченной им из дома, которая во время драки была просто растоптана.

В порыве признательности своему питомцу за спасение он опустился на колени и поцеловал Тимку прямо в морду.

Тимка в это время стоял, как вкопанный, и тарачил на хозяина удивленные глаза. Эту трогательную сцену трудно описать. Такое надо видеть.

В очередной раз, когда Кузьма ласково провел рукой по спине ящерицы, пальцы его скользнули под кожистый воротник, что украшал её шею, и там коснулись чего-то металлического. Раньше он ничего подобного не замечал.

– Погоди-ка. Тимка, – проговорил Кузьма. – Что это у тебя там?

– Тим-тим, – произнесла ящерица и с готовностью подняла своё шейное украшение, поворачивая голову так, чтобы хозяину было лучше видно.

При лунном свете на шее у Тимки блеснуло тонкое металлическое кольцо, испещренное непонятными каракулями. В середину его был вделан плоский голубоватый кристалл.

– Батюшки! Кто же нацепил на тебя этот ошейник? – удивленно произнес Кузьма, пытаясь снять «украшение» с шеи своего питомца.

Он крутил его и так, и сяк, но нигде не мог найти разъёма.

Тогда Кузьма поддел кристалл ножом в надежде, что под ним и скрыт весь секрет замка. Но едва он прикоснулся к нему лезвием, как послышался тихий щелчок, и кристалл начал пульсировать мягким внутренним светом.

– Что же это за штукавина? – думал конюх, почесывая затылок. – Ее, пожалуй, так просто и не снимешь. Интересно, откуда она у Тимки? А что если он все-таки не земное существо?

Эта мысль, и раньше посещавшая Кузьму, но усердно гонимая им прочь, теперь со всей ясностью вновь стала перед ним во весь рост, потрясая аргументами.

Конюх невольно взглянул в ночное небо, усеянное мерцающими звездами, и нервно поежился.

– Да нет, – думал он. – Не может быть, чтобы его Тимка был откуда-то оттуда.

– Не может быть? – возражал ему его же разум. – Еще как может! Посуди-ка: разве может земное существо вытворять то, что вытворяет эта ящерица?

Против такого довода возражать было просто невозможно.

– Значит ты оттуда? – с дрожью в голосе спросил он Тимку.

– Тим-тим, – отвечала ящерица, глядя ему в глаза.

В тот момент от ее взгляда Кузьме вновь стало не по себе. К тому же он вдруг вспомнил содержание одной из газетных статей, что попала ему на глаза несколько дней назад. Она называлась «Назойливые пришельцы».

Автор статьи в полусерьезном, полушутливом тоне извещал читателей, что за последнее время пришельцы из космоса зачастили в их район. Собрано множество свидетельств о посадках НЛО, а крестьяне часто находят на полях и покосах таинственные следы посадок инопланетных аппаратов в виде идеального круга, похожие на отпечаток огромного колеса со спицами.

В статье приводилась и фотография такого следа, сделанная с вертолета. А завершалась статья вопросом: «Так что же ищут у нас пришельцы?»

Редко читающий, вообще, и газеты, в частности, Кузьма не поверил написанному, хотя про себя отметил, что след на фотографии очень похож на тот, что он сам видел месяц назад.

– Наверное, это они Тимку ищут, – подумал Кузьма.

И для него праздный вопрос из газетной статьи получил теперь вполне конкретный ответ.

За то время, которое Тимка прожил у него, Кузьма успел привыкнуть к своему питомцу и теперь не хотел его терять.

– А если хозяин будет требовать? – вновь резонно подумал конюх. – Что тогда? Ладно, – успокаивал он сам себя. – Что-нибудь придумаю. А может, этот хозяин и вообще не явится.

Однако, несмотря на подобные надежды, встреча их состоялась уже на следующую ночь.

Кузьма проснулся оттого, что кто-то властно приказывал ему встать с постели и выйти из дома. Он повиновался.

Спустив ноги с кровати, конюх сунул их в тапочки и полусонно поплелся на крыльцо в одних трусах. Спустившись по ступенькам, он несколько минут бестолково топтался на месте, не соображая, зачем вышел во двор. Сладко зевнув, Кузьма хотел уже вернуться в теплую постель, когда вдруг увидел перед собой высокую фигуру.

Кузьма вздрогнул, но страх, что вспыхнул в его душе, тут же угас, как гаснет разгоревшаяся спичка от мощного дуновения ветра.

Спокойно оглядев незнакомца, Кузьма почему-то заключил, что перед ним мужчина, хотя об этом не говорили ни его сложение, ни странная, облегающая полупрозрачная одежда. Да и сам незнакомец был какой-то полупрозрачный. Сквозь него, как сквозь морозное стекло, Кузьма мог различить контур большой деревянной колоды, на которой всегда колол дрова.

– Где мой Зар? – произнес ночной гость, не раскрывая рта.

Кузьма был удивлен, что голос незнакомца прозвучал словно внутри его сознания.

– Какой еще Зар? – наивным тоном спросил Кузьма, переврав имя.

– Не Зар, а Зар, – уточнил тот. – Его сигнал исходит из твоего жилища. Ты должен вернуть его мне.

– Батюшки! – догадался Кузьма. – Так это же и есть настоящий хозяин моего Тимки!

Сердце конюха вдруг сжалось, как у ребенка, у которого отбирают любимую игрушку.

– А чем вы докажете, что Тимка, то есть Зар, ваш? – пошел в наступление конюх, используя земной прием, используемый обычно, когда человек не хочет расставаться с чем-то ценным, хозяин которого нашелся.

– А ты выпусти его, – резонно заметил незнакомец, – и погляди сам.

– И не подумаю! – хотел возразить Кузьма, но в тот миг послышался звон разбитого стекла, и во двор из окна выпрыгнул Тимка.

Пулей, преодолев несколько метров, ящерица бросилась прямо в руки ночного гостя, издавая такую какофонию звуков, что у конюха засвербело в ушах. Это был просто взрыв радости.

– Ну, человек, нужны ли еще доказательства?

Кузьма молчал. Он понимал, что его Тимка сегодня исчезнет навсегда.

– Мы потеряли нашего Зара случайно, – продолжал незнакомец. – В первый же день по прибытии на вашу планету. Тогда наше внимание привлек человек, издающий удивительные звуки. Мы так увлеклись, что не заметили, как Зар выбрался погулять самостоятельно. Он ведь еще совсем малыш.

Я пытался отыскать пропажу, но это было невозможно. По стечению обстоятельств у Зара не был включен прибор обозначения места нахождения. Мы уже хотели прекратить поиски, но тут прибор вдруг заработал.

– Так значит, это я его включил, – догадался Кузьма. – Значит, кольцо на шее у Тимки не просто ошейник, а прибор!

– Спасибо тебе, человек, – продолжал незнакомец, все также, не раскрывая рта и слегка склонив голову. – Спасибо за то, что заботился о нашем Заре. Мы привыкли платить добром за добро. Что бы ты хотел получить в награду?

Голос, звучавший в сознании Кузьмы, менялся по тембру, но последние фразы приобрели торжественные нотки дикции Левитана, читающего сводки информбюро.

Кузьма пожал плечами. Вопрос прозвучал очень неожиданно.

– Вот бы мне бросить пьянство, – неожиданно подумал Кузьма. – Как бы мне избавиться от этой проклятой привычки.

В тот же миг он почувствовал, как некто очень сильный мягко и осторожно проник в его сознание и, промчавшись по всем темным закоулкам, так же мягко вышел обратно.

– Ты болен, – заключил незнакомец, – но не безнадежно. Зар никогда бы не доверился злему человеку. У него чутье! Я уловил причину твоих бед, и кое-что поправил в тебе. Думаю, возможно.

Тогда конюх пропустил эти слова мимо ушей и вспомнил о них много позже, когда вдруг обнаружил, что вид спиртного больше не привлекает его, как раньше.

В тот момент Кузьма думал о Тимке, как о потерянном друге и очень удивился, когда его прежний хозяин заговорил об издержках, а потом в лучших людских традициях проявления благодарности сунул в руки оторопевшего конюха две толстые бумажные пачки. Тот машинально взял их, даже не взглянув, что это такое.

– Так значит, вы с Тимкой все-таки прилетели из космоса? – не то спрашивая, не то утверждая, произнес он.

Незнакомец согласно кивнул в ответ.

– Значит, пришельцы действительно существуют, – озабоченно произнес Кузьма с таким видом, словно бы ему вручили повестку в суд. – Я-то думал, что всё это сказки.

– Люди слишком рациональны, – отвечал ночной гость. – Вы не признаете реальным порой даже то, что очевидно само по себе.

– А откуда вы прилетели?

– А разве ты можешь ориентироваться в межзвездном пространстве среди созвездий и галактик? – в свою очередь последовал встречный вопрос.

Кузьма смолчал потому, что даже в школьной астрономии был, как говорят, ни в зуб ногой. Он-то и земную географию знал с трудом.

– Вот видишь, – продолжал тот. – Как же я смогу объяснить тебе, откуда мы родом.

– А Тимка, то есть Зар? – спросил Кузьма. – Он такой же, как и вы?

– Нет. Зар – просто друг. Предки таких существ, как он, были приручены еще на заре нашей цивилизации точно так же, как и ваши земные собаки. С тех пор они живут среди нас.

Кузьма замолчал, обдумывая слова инопланетянина. Пауза в их беседе длилась с минуту.

– Нам пора, – произнёс гость. – Еще раз прими благодарность.

Отпустив ящерицу на землю, инопланетянин развернулся и двинулся вглубь двора, где, словно по волшебству, вдруг проявился контур прозрачного круглого устройства, напоминающего усеченный конус.

Несколько мгновений Зар-Тимка неподвижно стоял на задних лапах, поглядывая то на Кузьму, то на удаляющегося хозяина, потом мигом взобрался на руки конюха и лизнул на прощание в щеку мягким длинным языком.

Спрыгнув на землю, ящерица помчалась вслед за хозяином, на ходу став полупрозрачной.

– Тим-тим! – раздался издали её громкий голос, от которого у Кузьмы на глазах выступили слезы.

Бесшумно оторвавшись от земли, конус тут же исчез из вида. Вслед за этим Кузьма, забыв обо всем, развернулся и, войдя в дом, улёгся спать.

Наутро он смутно припоминал события прошедшей ночи и был готов приписать их дурному сну, как вдруг нашел у себя в постели две пачки банкнот в купюрах по сто тысяч каждая в плотной банковской упаковке. Потом обнаружилось исчезновение Тимки. Последнее более всего убедило Кузьму в том, что его сон был явью.

Несколько дней после этого он ходил, как в воду опущенный, к тому же никак не решался воспользоваться обнаруженными деньгами, опасаясь, что те фальшивые. Наконец, любопытство взяло верх, и, вытащив из пачки несколько сотысячных купюр, он на своем стареньком мотоцикле отправился в райцентр.

– Ай-ай-ай! – воскликнула продавщица. – Кто к нам пришел!

За прилавком стояла дородная дама и, улыбаясь во весь рот, демонстрировала полный набор золотых зубов.

– Опять водку в долг? – поинтересовалась она.

От упоминания о водке Кузьму передернуло, как передергивает ребенка от упоминания о рыбьем жире.

– Нет, нет, – поспешил отказать он. – Я больше не пью.

– Не пьешь? Ты чего, заболел?

– Как раз наоборот, выздоровел. Я долг пришёл вернуть.

С этими словами Кузьма выложил на прилавок свои банкноты.

– Ого! – удивилась дама, рассматривая их на просвет. – Кого ты ограбил, Кузьма, на большой дороге?

Она хорошо знала, что в колхозе полгода не выдавали зарплату.

– А может, тебе наследство свалилось?

– Да-да, – поспешил подтвердить Кузьма. – Свалилось. С неба.

– Ну, тогда его надо обмыть! – воскликнула женщина. – Смотри сюда: ликёр, водка, шампанское...

От этих слов Кузьма вновь испытал чувство, похожее на тошноту.

– Нет, нет! – возразил он, поморщившись.

– А коньяк?

– Никаких коньяков! – отрезал конюх и, развернувшись, двинулся на выход.

Его старенький, но тщательно вымытый мотоцикл «Урал», ожидавший хозяина в тени густого клена, завёлся с третьей попытки.

Усевшись на сидение, Кузьма уже повернул ручку газа, как вдруг...

– Тим-тим! – сквозь треск мотора громко прозвучало из пустой мотоциклетной коляски, и на фоне серой потёртой обивки её сидения проступили два чёрных глаза.